* * *

Воображенья торжество
Да непомерные мученья,
Как бы на грани всепрощенья,
А рядом – рядом никого.

Покуда силятся сверчки
Пощаду вымолить у неба,
Я жду и всматриваюсь – все бы
Так миру были бы близки.

Когда бы все ловили так
Приметы каждого мгновенья,
В ночи оттачивая зренье,
Прозрел бы звук, звучал бы знак.

Не потому ли мне дана
Впрямую, только лишь от Бога,

Как небывалая подмога,
Душа – и чувствует она,

Как век, отшатываясь прочь,
Клубясь в сумятице агоний,
Зовёт, – и свечка меж ладоней
Горит, – и некому помочь,

Никто не может, ничего,
Что схоже с откликами, нету, –
И вот, в тоске по белу свету,
На ощупь ищешь ты его.

* * *

Навестила б сызнова меня
В серебре тускнеющего дня
Та, что столь желанною бывала
В те года блаженные, когда,
В час, как выйдет первая звезда,
Стольких песен строки даровала!

В тишине шагреневой, сквозной,
Сберегла бы отданное мной
Всем живущим щедрыми горстями,
Подняла бы светлое лицо,
Ненароком вышла на крыльцо,
Чтобы сладить, может быть, с вестями.

Знать, немало терний и корней,
Что упрямей были и верней,
Чем роенье позднее вниманья,
С этой тканью чаянья срослись,
Где преданья нитью запаслись
Все, кто ключ отыщут к пониманью.

Застилая шумной пеленой
Этот мир, поистине иной,
Чем когда-то, в юности прекрасной,
Свежий ветер за море летит,

Всех простит – и всё-таки грустит
На краю земли огнеопасной.

Кто его, скажите мне, хмельней?
Или впрямь в раздумиях полней
Этот круг, разомкнутый однажды,
Этот лад, распахнутый всему
И спасённый только потому,
Что не скрыл ни голода, ни жажды?

Нет ему ни отдыха, ни сна –
Не такие помнит времена –
И его за частыми слезами
Различишь, чтоб в бедах уцелеть,
Чтоб невзгоды вместе одолеть,
Постареть с открытыми глазами.

Нет мечтанью страхов или уз –
Не затеют разом девять муз
Невпопад общение с народом –
Что ему до слова моего? –
Вот и славим жизни волшебство
Под ещё родимым небосводом!

* * *

Привыкший делать всё наоборот,
Я вышел слишком рано за ворота –
И вот навстречу хлынули щедроты,
Обрушились и ринулись вперёд,
Потом сомкнули плотное кольцо,
Потом его мгновенно разомкнули –
И я стоял в сиянии и гуле,
Подняв к востоку мокрое лицо.

Там было всё – источник бил тепла,
Клубились воли рвенье и движенье,
Земли броженье, к небу притяженье,
Круженье смысла, слова и числа, –
И что-то там, пульсируя, дыша,

Сквозь твердь упрямо к миру пробивалось, –
И только чуять снова оставалось,
К чему теперь вела меня душа.

Бывало всё, что в жизни быть могло,
И, как ни странно, многое сбывалось,
Грубело пламя, ливнями смывалось
Всё то, что к солнцу прежде проросло, –
Изломанной судьбы я не искал –
И всё, как есть, приемлю молчаливо,
Привычно глядя в сторону залива,
Где свет свой дар в пространстве расплескал.

* * *

Те же на сердце думы легли,
Что когда-то мне тяжестью были, –
Та же дымка над морем вдали,
Сквозь которую лебеди плыли,
Тот же запах знакомый у свай,
Водянистый, смолистый, солёный,
Да медузьих рассеянных стай
Шевеленье в пучине зелёной.

Отрешённее нынче смотрю
На привычные марта приметы –
Узкий месяц, ведущий зарю
Вдоль стареющего парапета,
Острый локоть причала, наплыв
Полоумного, шумного вала
На событья, чтоб, россыпью скрыв,
Что-то выбрать, как прежде бывало.
Положись-ка теперь на меня –
Молчаливее вряд ли найдёшь ты
Среди тех, кто в течение дня
Тратят зренья последние кошты,
Сыплют в бездну горстями словес,
Топчут слуха пустынные дали,

Чтобы глины вулканный замес
Был во всём, что твердит о печали.

Тронь, пожалуй, такую струну,
Чтоб звучаньем её мне напиться,
Встань вон там, где, встречая весну,
Хочет сердце дождём окропиться,
Вынь когда-нибудь белый платок,
Чтобы всем помахать на прощанье,
Чтоб увидеть седой завиток
Цепенеющего обещанья.

* * *

Ты, душа, влеченья не скрывала
К берегам, где встарь уже бывала.
К берегам, где издавна томится
Всё, что днесь то вспомнится, то снится,
К берегам, где волю славит лира,
К берегам, где скоро будет сыро,
К небесам, где музыка витала,
К облакам, рассеянным устало.

Ты, душа, упряма в этой тяге –
Дни пройдут, и власти сменят стяги,
Не застынут вести на пороге,
Подоспеют новые итоги,
Выпьют вина, слитые во фляги,
Не просохнут строки на бумаге, –
А тебя попробуй удержи-ка,
Узелок незримый развяжи-ка.

Ты, душа, беспечна в этой блажи,
В раж вошедши, празднична – и даже
Хороша в движении к истокам,
В этой смеси запада с востоком.
В этом сплаве севера и юга,
За чертою призрачного круга,
Где тропа спасительная слово
Из ненастья вывести готова.